

«Голубая вена. Крепость»

Егор Волоский

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Егор Волоский

«Голубая вена. Крепость»

<https://litres.ru/74060629>

SelfPub; 2026

Аннотация

Военный городок стал их крепостью. Бетонные стены, колючая проволока, оружие со складов — теперь у группы Егора есть шанс выжить. Весна приносит не только тепло: из леса выходят оттаявшие зомби, а «Армия» — организованная, беспощадная сила — подчиняет себе всё на своём пути. Егор знает их. В прошлой жизни «Армия» уничтожила всех, кого он любил. Теперь у него есть второй шанс — и камень в руке, который с каждым убитым зомби делает его быстрее, сильнее, опаснее.

Но чем глубже он втягивается в войну, тем яснее становится: за первым врагом скрывается второй. Тот, кто не грабит и не захватывает. Тот, кто ищет не ресурсы, а его. Среди леса появляются странные символы, в воздухе звучит чужой вой, а в тени затаилась угроза, о которой не писали в старых архивах. Егор чувствует: кто-то знает о нём больше, чем он сам. И этот кто-то уже идёт по его следу.

Содержание

Глава 1. Новая крепость	4
Глава 2. Запах весны. Первый контакт с «Армией»	19
Глава 3. Первая волна	53
Глава 4. Голос издалека	74
Конец ознакомительного фрагмента.	80

Егор Волоский

«Голубая вена. Крепость»

Глава 1. Новая крепость

Часть 1. Первый рассвет на базе

Я проснулся от тишины.

Это была не та тягучая, больная тишина, которая давила на уши в городе, когда каждый шорох казался шагом зомби. И не та напряжённая, лесная, когда за стеной деревьев могло прятаться что угодно — от голодного зверя до вооружённых людей.

Это была крепостная тишина. Тяжёлая, бетонная, с запахом ржавчины и солярки.

Я открыл глаза. Потолок казармы был серым, с тёмными разводами от протекавшей крыши. Сквозь щели в заколоченных окнах пробивался бледный утренний свет. Где-то за стеной слышались шаги — кто-то уже встал, ходил по коридору, проверял посты.

Рядом, на соседней койке, спала Ирина. Она свернулась калачиком, поджав колени к животу, и прижимала к себе Виду. Дочь раскинула ручки и ножки, заняв половину матра-

са, и тихо посапывала. Я смотрел на них и чувствовал то, что чувствовал каждое утро последних месяцев — благодарность. Они живы. Мы живы. И это стоило всего.

Я осторожно встал, натянул куртку, сунул ноги в берцы. Гидрокостюм висел на спинке стула — я надевал его только в бой, но сегодня предстоял обход территории, и я решил, что лучше быть готовым. Бронежилет — на плечо, автомат — в руку.

Вышел в коридор.

Наша казарма была одной из трёх уцелевших. Кирпичные стены, бетонные перекрытия, широкие окна, которые мы заколотили досками и железными листами. Здесь было холодно, сыро, но сухо. После фермы, где крыша протекала в трёх местах, а печь приходилось топить без остановки, это казалось почти роскошью.

В коридоре я столкнулся с Олегом. Он сидел на подоконнике, курил — последние сигареты он берёт, но сегодня почему-то закурил с утра.

— Выспался? — спросил он, не поворачиваясь.

— Нет, — ответил я. — Ты?

— Тоже нет.

Мы помолчали. За окном, за бетонным забором, серел лес. Он был ближе, чем на ферме, — всего в двадцати метрах от ворот. Слишком близко. Но стены были высокими, а ворота — железными.

— Сколько нас? — спросил он.

— Тринадцать. С новыми — двадцать один.

— Много.

— Нам нужно больше.

Он затанулся, выпустил дым в открытую форточку.

— Ты думаешь, они придут?

Я знал, о ком он спрашивает. «Армия». Странник. Те, чьи следы мы нашли на складе, чьи тени мелькали в лесу, чьи голоса мы иногда слышали в обрывках радиопереговоров.

— Придут, — сказал я. — Но мы будем готовы.

Он не ответил. Только кивнул.

Часть 2. Обход периметра

Я вышел во двор через час, когда солнце уже поднялось над лесом.

Военный городок был рассчитан на батальон — четыре казармы, штаб, столовая, склад ГСМ, ангары для техники, подземные бункеры. Сейчас здесь было пусто, тихо, заброшено. Но мы видели потенциал.

Первым делом я обошёл периметр.

Стены были бетонными, трёхметровой высоты, с колючей проволокой поверху. Кое-где проволока провисла, в некоторых местах стены дали трещины, но в целом ограда держалась крепко. Ворота — железные, с ржавыми петлями, но массивные. Мы подперли их изнутри грузовиком, пока не приварим дополнительные засовы.

— Здесь слабое место, — сказал Сергей, подходя ко мне. Он был в гидрокостюме, с автоматом на плече, серьёзный и сосредоточенный.

— Где?

— Восточная стена. Трещина внизу. Если кто-то подорвёт — рухнет.

Я подошёл ближе. Трещина была заметной — шириной с ладонь, уходящая вверх на два метра. За ней виднелся лес.

— Надо заложить камнями, — сказал я. — И поставить подпорки.

— Я уже сказал Михаилу. Он с Димой-механиком займётся сегодня.

— Хорошо.

Мы пошли дальше. Северная сторона выходила к плацу — пустому, заросшему сорняками, с ржавой техникой. Два БТР стояли без колёс, с выбитыми люками. Грузовики — Урал и ЗИЛ — без двигателей, но железо ещё могло пригодиться.

— Их бы разобрать на запчасти, — сказал Сергей.

— Дима-механик уже составил список, — ответил я.

С южной стороны были ворота — главный въезд. Мы их закрыли на цепь и навесной замок. Рядом — вышка, старая, деревянная, но крепкая. Лёша уже сидел там с биноклем, осматривал окрестности.

— Пусто? — крикнул я.

— Пусто, — ответил он. — Только лес.

Я кивнул.

Внутри городка было три казармы. В одной мы разместились сами. Вторую заняли под склад — оружие, патроны, еда, медикаменты. Третью — под мастерскую. Дима-механик уже перетащил туда инструменты и копался в генераторе, пытаясь оживить его.

— Заведётся? — спросил я, заглядывая в распахнутые двери.

— Должен, — буркнул он, не оборачиваясь. — Если не сдох окончательно.

— А если сдох?

— Тогда будем жечь дрова.

Я оставил его возиться.

Часть 3. Распределение жилых помещений

К завтраку мы собрались в бывшей столовой.

Здание было меньше казарм, но внутри сохранились длинные столы и лавки. Мы их сдвинули, чтобы места хватало всем. Светлана хлопотала у печи, нагревая воду. Марина раздавала сухари — по норме, строго, как учили в больнице. Катя раскладывала кружки.

Дети сидели в углу — Настя, Павел, Соня. Они уже привыкли друг к другу, играли в молчанку, строили башни из деревяшек.

Надя стояла у окна, сжимая в руках кружку. Она всё ещё выглядела испуганной, но уже не плакала по ночам. Соня по-

могала ей держаться — маленькая, светловолосая, она тянулась к матери и улыбалась, когда та смотрела на неё.

Я сел во главе стола.

— Размещение, — сказал я. — Будем жить в казарме номер один. В ней три комнаты и общий коридор.

Я разложил на столе схему, которую набросал вчера вечером.

— Первая комната — я, Ирина, Вика.

Ирина кивнула, прижимая к себе дочь.

— Вторая — Олег, Дима, Лёша. Вы ближе к выходу. В случае тревоги — первая линия.

Олег кивнул. Дима молчал. Лёша хотел что-то сказать, но передумал.

— Третья — Вера, Катя, Сергей, Михаил. Вы замыкающие. В случае прорыва — прикрываете тыл.

Вера подняла бровь.

— Ты доверяешь нам держать тыл?

— Доверяю, — ответил я.

Она не стала спорить.

— А где будем мы? — спросил Николай. Он сидел в углу, грел руки о кружку.

— Общая комната в столовой, — ответил я. — Здесь тепло, есть печь. Вы с Димой-механиком, Светлана с детьми, Надя с Соней. Марина будет рядом, в кладовке — там меньше шума.

Николай кивнул.

— А оружие? — спросил Михаил.

— Оружие на складе. Автоматы — под замком. Пистолеты — у каждого при себе. Патроны — в подвале, в герметичных ящиках.

Михаил усмехнулся.

— Ты всё продумал.

— Не всё, — ответил я. — Но стараюсь.

Часть 4. Первые конфликты

К вечеру запахло жареным.

Сергей и Михаил поспорили с Димой-механиком из-за места у печи. Механик хотел поставить верстак там, где Светлана разложила детские вещи. Светлана вспылила, Сергей встал на её сторону, Михаил — на сторону механика.

Я зашёл в столовую, когда они уже кричали друг на друга.

— Тихо, — сказал я.

Они замерли.

— Разбираемся так, — я подошёл к печи. — Место у печи — для всех. Верстак Димы переносим в кладовку, там тепло. Детские вещи — на второй этаж столовой, он пустует, там сухо.

— Там холодно, — сказала Светлана.

— Поставим обогреватель, когда починим генератор.

— А если не починим?

— Тогда будем спать в куртках, как спали всю зиму.

Она вздохнула, но спорить не стала.

Николай подошёл ко мне, когда я вышел во двор.

— Ты жёстко с ними, Егор, — сказал он.

— А надо мягче?

— Не мягче. Справедливее.

— Я и справедлив.

— Справедливый не кричит. Справедливый решает.

Я посмотрел на него.

— Ты что-то знаешь о справедливости?

— Я жил долго, — ответил он. — Видел разное. И знаю, что криком делу не поможешь.

Я не ответил. Он ушёл в дом.

Часть 5. Изучение территории

На второй день мы занялись разведкой.

Я, Олег и Вера обошли каждый угол городка. Схема, которую я набросал, пополнялась деталями.

Столовая — два входа, кухня с печью, кладовые. Штаб — трёхэтажное здание, но крыша провалилась, второй и третий этажи непригодны. Склад ГСМ — пуст, только запах солярки и ржавые бочки. Ангараы — три, в одном из них мы нашли генератор и инструменты, в двух других — пусто.

Подземный бункер мы обнаружили случайно — люк за кучей мусора за штабом.

— Вот это да, — сказал Олег, откидывая крышку.

Вниз вела лестница. Я включил фонарик, спустился.

Бункер был старым, но сухим. Бетонные стены, герметичные двери, система вентиляции. Три комнаты — спальня, склад, узел связи.

— Узел связи, — сказала Вера, проведя рукой по старой аппаратуре.

— Работает? — спросил я.

— Не знаю. Надо проверить.

Я поднял глаза к потолку. Отсюда шла труба — возможно, аварийный выход.

— Выход наружу? — спросил Олег.

— Похоже на то. Надо найти.

Мы нашли его через час — люк за оградой, в лесу. Замаскированный кустами, с проржавевшей крышкой.

— Теперь у нас есть чёрный ход, — сказал я.

— И уязвимость, — добавил Олег.

— Всё зависит от того, кто о нём знает.

Вера покачала головой.

— Банда Бориса знала? Они здесь были.

— Значит, могли знать. Но мы проверили — люк был закрыт, завален мусором.

— А если они рассказали?

— Тогда будем охранять.

Часть 6. Патруль в лесу

На третий день я отправил Диму и Лёшу в лес — проверить ближайшие подходы.

Они ушли на рассвете, вернулись через четыре часа. Оба были бледными, но целыми.

— Что там? — спросил я.

— Следы, — сказал Дима. — Свежие.

— Люди?

— И зомби. И люди.

Лёша разложил на столе набросок.

— Здесь, в двух километрах к северо-западу, была стоянка. Кострище, гильзы, банки. Неделя, может, две.

— Кто?

— Не знаю. Но они были вооружены. Гильзы калибра 5.45 — наши.

Я взял карандаш, отметил на карте.

— А зомби?

— Штук десять. Мы обошли.

— Почему не уничтожили?

— Тихо не получилось бы.

Я кивнул.

— Молодцы. Всё.

Дима хотел что-то добавить, но передумал.

— Что? — спросил я.

— Я чувствовал, что за нами следят.

— Люди?

— Не знаю. Но кто-то был.

Вера подошла, услышала.

— Чуйка? — спросила она.

— У него такая же, как у меня, — ответил я.

Она помолчала, потом спросила:

— И часто она тебя обманывает?

— Никогда.

Она кивнула.

Часть 7. Укрепление ворот

Олег с Димой-механиком и Сергеем взялись за ворота.

Работа заняла два дня. Сначала они сняли старые петли, зачистили их, смазали. Потом приварили дополнительные засовы — из кусков арматуры и железных листов. Грузовик, который подпирал ворота изнутри, загнали вплотную.

— Теперь выдержат? — спросил я.

— Если не штурмовать с тараном, — ответил Олег.

— А если с тараном?

— Тогда подпорки.

Он показал на бетонные блоки, которые они вкопали по бокам.

— Грузовик упрётся в них, не сдвинется.

— Хорошо.

Дима-механик копался в грузовике, пытаясь оживить двигатель.

— Заведёшь? — спросил я.

— Аккумулятор сдох, — ответил он. — Надо искать новый.

— Где?

— В городе. Или на свалке.

Я покачал головой.

— В городе сейчас не проехать. Весна, грязь. А свалка — в тридцати километрах.

— Тогда будем толкать.

— Надеюсь, не придётся.

Часть 8. Обустройство быта

Светлана и Марина навели порядок в столовой.

Стол протёрли, лавки починили, посуду перемыли. На кухне поставили печь — старую, железную, нашли в одном из ангаров. Дымовую трубу вывели через окно.

— Теперь будет тепло, — сказала Светлана.

— И дымно, — добавил Олег.

— Зато горячая вода.

— Это да.

Катя с Николаем разбирали медицинские запасы. Антибиотики, обезболивающие, бинты, жгуты — всё разложили по коробкам, подписали.

— Этого хватит на месяц, — сказала Катя. — Если не будет тяжёлых раненых.

— А если будут? — спросил я.

— Тогда меньше.

Николай вздохнул.

— Даст бог, не будут.

— Он не помогает, — ответил я. — Только мы.

Николай посмотрел на меня, но спорить не стал.

Ирина с Надей и детьми возились в казарме. Стелили постели, раскладывали вещи, вешали шторы из старых простыней.

— Дома уютно? — спросил я, заходя.

— Уютно, — ответила Ирина.

— Не ври.

Она улыбнулась.

— Привыкнем.

Вика сидела на кровати, играла с деревянной ложкой.

— Папа, — сказала она.

— Что, дочка?

— Дай.

Я протянул руку. Она схватила меня за палец, потянула.

— Сиди, — сказала она.

— Сидеть?

— Сиди.

Я сел рядом. Она засмеялась.

Ирина смотрела на нас, и в её глазах было что-то тёплое, давно забытое.

Часть 9. Радиостанция

Дима-механик возился с радиостанцией второй день.

— Слушай, — позвал он меня. — Поймал кое-что.

Я подошёл. Из динамика шло шипение, и сквозь него — обрывки голосов.

— ...сектор семь, чисто... — говорил кто-то.

— ...подтверждаю... — отвечал другой.

— Кто это? — спросил я.

— Не знаю. Волна чужая.

— Запиши.

Он кивнул.

— Ещё кое-что, — сказал он. — Я слышал название. «Армия».

Я замер.

— Что именно?

— «Армия ждёт приказа». «Странник будет завтра».

Я выключил рацию.

— Никому не говори.

— А если спросят?

— Скажешь, что шипение.

Он кивнул.

Часть 10. Вечер у костра

Вечером мы жгли костёр во дворе — экономили топливо, грелись, кто чем мог.

Николай сидел у огня, рассказывал.

— В семьдесят девятом я был в Афганистане, — говорил он. — Там тоже было страшно. Но по-другому.

— Чем? — спросил Лёша.

— Там враг был человек. А здесь — непонятно кто. И свои, и чужие, и мёртвые.

Сергей и Михаил слушали молча.

— Ты воевал? — спросил Михаил.

— Воевал. Получил пулю в ногу, потом в плечо.

— И выжил.

— Как видишь.

Он показал на шрамы.

Вера сидела в стороне, чистила автомат.

— Ты тоже воевала? — спросил её Лёша.

— Нет, — ответила она. — Я спортсменка.

— А стреляешь как снайпер.

— Училась.

Я подошёл к ней, сел рядом.

— Ты веришь, что мы выдержим? — спросил я.

— Не знаю, — ответила она. — Но у нас нет выбора.

Она была права.

Костер догорал. Мы сидели в тишине, слушая, как трещат угли, как где-то в лесу кричит птица.

Я смотрел на огонь и думал о том, что завтра начнётся новый день. И что мы должны быть готовы ко всему.

Глава 2. Запах весны.

Первый контакт с «Армией»

Часть 1. Тёплый ветер с юга

Я проснулся от того, что потолок казармы больше не казался ледяным.

Это было странное ощущение — после трёх месяцев, проведённых в холоде, когда каждое утро начиналось с того, что пальцы немели, а дыхание вырывалось белыми клубами, вдруг почувствовать, что воздух стал мягче, влажнее, почти живым. Я лежал, укрытый старым армейским одеялом, и смотрел в серый бетонный потолок, по которому плясали тени от догорающей печи. Где-то за стеной, в коридоре, скрипнула половица — кто-то уже встал, ходил, проверял посты.

Ира спала рядом, поджав колени к животу, прижимая к себе Вику. Дочь за последние дни заметно поправилась — щёки округлились, на ручках появился розовый оттенок, не тот болезненный, бледный, который был после болезни, а здоровый, детский. Она уже не плакала по ночам, не бредила, не металась в жару. Антибиотики сделали своё дело, и теперь Вика снова была похожа на себя — живую, подвижную, любопытную.

Я осторожно выскользнул из-под одеяла, натянул штаны, свитер, берцы. Гидрокостюм висел на спинке стула — я надевал его только на боевые выходы, но сегодня предстоял обход территории, и я решил, что лучше быть готовым к любой неожиданности. В конце концов, мы находились в лесу, где после зимы могло выползти что угодно — от голодных зверей до оттаявших мертвецов.

Бронежилет — на плечо, автомат — в руку. Я вышел в коридор.

Здесь тоже было теплее, чем вчера, и пахло иначе — не сыростью и мёрзлой землёй, а прелой листвой и чем-то ещё, едва уловимым, весенним, тем, что я почти забыл за эти месяцы. Я остановился у окна, заколоченного досками, и прильнул к щели.

За бетонным забором серел лес. Но не тот чёрный, мёртвый лес, который мы видели всю зиму, когда голые ветки торчали, как скелеты, а снег лежал сугробами по пояс. На голых ветках появились почки, а кое-где — первые зелёные точки, едва заметные, но живые. Снег почти сошёл, только кое-где белели ошмётки в тени зданий, под северными стенами. Лужи стояли по колено, грязь хлюпала под ногами, и каждый шаг оставлял глубокий след.

Весна.

Я не знал, радоваться этому или бояться. С одной стороны, тепло давало нам передышку — не нужно было тратить дрова на обогрев казармы, можно было экономить запасы. С

другой стороны, весна пробуждала не только природу. Зомби, замёрзшие в сугробах, оттаивали и становились активными. И «Армия», которая пряталась в лесу, тоже могла выйти на большую дорогу.

Из глубины коридора послышались шаги. Олег вышел из своей комнаты, потянулся, хрустнув шеей. Он был без бронжилета, в одной футболке и старых камуфляжных штанах. Его рыжеватая щетина топорщилась на подбородке, глаза были красными — то ли недосып, то ли дым от печи, которая догорала уже вторую ночь подряд.

— Ты уже на ногах? — спросил он, потирая затылок. Голос у него был хриплым после сна, как будто он всю ночь проорал на ветру, хотя на самом деле просто спал в неудобной позе.

— Не спалось, — ответил я. — В голове всё время какая-то тяжесть. С одной стороны, вроде бы мы здесь в безопасности — стены высокие, ворота железные, оружия полно. А с другой — чувствую, что это затишье перед бурей. Не нравится мне эта тишина, Олег. Слишком долго нас никто не тревожил.

— Мне тоже не спится, — признался он, зевая так широко, что я услышал, как хрустнула челюсть. — Димка храпел так, что стены дрожали. Я его толкал, толкал — он перевернулся на другой бок и захрапел ещё громче. В конце концов я просто встал и пошёл курить. Нечего было и пытаться заснуть под такой аккомпанемент.

Я усмехнулся.

— Он вымотался вчера. Разведка, потом дежурство на вышке до полуночи. Не выспался — не боец, конечно, но сегодня у него выходной, пусть отсыпается. Нам всем нужны силы.

— А у нас с тобой, — Олег тяжело вздохнул и почесал щетину, — выходных не будет. Ты уже прикинул, сколько дел сегодня? Окна надо заколотить на втором этаже штаба, там вообще стёкол нет, ветер гуляет как на вокзале. Плюс генератор этот долбаный, Дима-механик говорит, что нужно масло менять, а где его взять — непонятно. И ещё растяжки на северной стороне проверить, после вчерашнего дождя там всё поплыло.

— Знаю, — ответил я, перебивая его перечисление. — Поэтому я и хотел встать пораньше. Пока все спят, можно спокойно всё осмотреть, без суеты, без лишних вопросов. А то Светлана начнёт причитать, что мы её на кухне не дослушали, а Катя будет перевязки перекладывать в третий раз.

Мы вышли во двор.

Мороз больше не кусал за лицо. Наоборот, влажный воздух казался почти тёплым после казармы, и я на секунду замер, втягивая его полной грудью, чувствуя, как лёгкие наполняются запахом весны. С крыш капало, где-то за воротами звонко чирикала птица — первый раз за много месяцев я услышал птичье пение.

— Ты слышишь? — спросил я, кивнув в сторону леса.

— Что именно? — Олег прищурился, прислушиваясь. Он стоял ко мне вполоборота, держа руки в карманах куртки, и весь его вид выражал сомнение.

— Птица.

— Слышу, — ответил он после короткой паузы, и его лицо чуть смягчилось. — Давно их не было. Я уж думал, они все повымерли, как и всё остальное.

— Зимой улетели на юг. Теперь возвращаются. Кстати, это хороший знак — если птицы вернулись, значит, в лесу не всё так плохо. По крайней мере, они чувствуют, где опасно, а где нет.

— Значит, и зомби вернуться? — спросил Олег, и в его голосе прозвучала та самая мрачная усмешка, которая появлялась у него, когда он хотел сказать: «Не обольщайся».

— Они и не уходили, — ответил я. — Просто замёрзли. В сугробах лежали, в оврагах. А теперь оттают и вылезут. Сначала поодиночке, потом стаями. Вопрос времени.

— А много их там?

— В лесу? — я пожал плечами. — Тысячи. Может, десятки тысяч. Но до нас дойдут не все. Часть застрянет в грязи, часть уйдёт в другую сторону, на запах или на шум. Нам нужно быть готовыми к тому, что через неделю-другую они начнут подтягиваться к воротам.

Олег покачал головой.

— Весной будет хуже, чем зимой, — сказал он, и это был не вопрос, а утверждение человека, который уже всё понял

и принял.

— Будет, — согласился я. — Но у нас есть стены. И пулемёт. И люди, которые умеют стрелять.

— И пулемёт, — кивнул Олег, и его голос стал чуть увереннее. — Кстати, его надо бы проверить сегодня. Дима сказал, что ствол мог перегреться после той пальбы. Надо почистить, смазать. Не хватало ещё, чтобы в самый нужный момент он заклинил.

— Проверим, — ответил я.

Мы помолчали. Птица чирикала, где-то на вышке завозился Лёша — я слышал его шаги по деревянному настилу. Должно быть, он тоже проснулся и решил проверить, всё ли в порядке, вместо того чтобы досыпать в тёплой казарме.

— Егор, — сказал Олег, не поворачивая головы. — Ты правда веришь, что мы здесь надолго? Или это просто очередная остановка перед следующим переездом, как было с квартирой, как было с фермой?

— А у нас есть выбор? — спросил я в ответ. Это был риторический вопрос, но Олег на него ответил.

— Всегда есть выбор. Можем уйти в лес, рассредоточиться по охотничьим избушкам. Можем попробовать пробиться к городу, там зданий много, легче спрятаться. Можем даже на юг податься, через границу.

— И что мы там найдём? — спросил я. — Такую же разруху, таких же людей, такие же проблемы. А здесь у нас есть стены, есть оружие, есть запасы. И, главное, есть люди, кото-

рым мы доверяем. Этого ни в лесу, ни в городе не будет.

— Значит, остаёмся?

— Остаёмся.

Олег вздохнул.

— Значит будем верить, — сказал он, и в его голосе прозвучала та самая обречённая решимость, которая отличала людей, переживших апокалипсис.

— Будем верить, — согласился я.

Часть 2. Первая весенняя стычка

Завтракали мы в столовой, как обычно, в тесноте, но по-семейному.

Светлана хлопотала у печи, разогревая воду в большом эмалированном чайнике — том самом, с отбитым носиком, который мы привезли с фермы. Она выглядела уставшей, но держалась бодро, поправляла выбившиеся из-под платка волосы и покрикивала на детей, чтобы те не баловались.

— Не шумите, люди ещё спят, — говорила она, но голос её был скорее усталым, чем сердитым.

Марина раскладывала сухари и тушёнку — по норме, строго, как учили в больнице, где она работала медсестрой.

Катя разливала кипяток по кружкам — тем, что у нас остались. Их было немного, на всех не хватало, поэтому пили по очереди.

На столе царила та особенная утренняя тишина, которая

бывает, когда люди ещё не проснулись окончательно, но уже готовятся к новому дню. Только звон ложек да редкие короткие фразы нарушали её.

Вика сидела на коленях у Ирины и с увлечением размазывала кашу по столу. Ирина ловила её руку, вытирала тряпкой, что-то тихо говорила — я слышал только обрывки: «не балуйся», «ешь аккуратно», «смотри, платье испачкаешь».

Настя и Павел ели молча, поглядывая на Соню, которая старательно жевала свой кусок. Соня была младше, но уже пыталась копировать старших, сидела прямо, не вертелась.

Надя смотрела в окно, на лес, и я не мог понять, боится она или просто задумалась. Её лицо было спокойным, но слишком спокойным для человека, который пережил то, что пережила она. Я заметил, что она часто смотрит в ту сторону, откуда в прошлый раз пришли зомби.

Николай сидел в углу, грел руки о кружку. Рядом с ним Дима-механик перебирал инструменты, проверял, всё ли на месте, не заржавело ли что за ночь. Он был человеком привычки: каждое утро он осматривал свои ключи и отвёртки, раскладывал их в определённом порядке и только потом приступал к еде.

— Ты бы поел сначала, а потом уже возился, — заметила Светлана, ставя перед ним миску.

— Успеется, — буркнул он, но инструменты убрал и взялся за ложку.

Я уже хотел отодвинуть тарелку и пойти на вышку — сме-

нить Лёшу, который дежурил с ночи, — когда снаружи раздался крик. Он был резким, полным тревоги, таким, от которого сердце пропускает удар.

— Егор! Идут! Со стороны леса!

Я вскочил так резко, что табуретка заскрипела по полу. Ложка выпала из руки и звякнула о деревянную столешницу.

— Лёша? — крикнул я, узнав голос.

— Я! На вышке! Идут, много!

Я уже бежал к выходу, на ходу застёгивая куртку. В дверях столкнулся с Олегом, который вылетел из казармы с автоматом наперевес.

— Сколько? — спросил я, не останавливаясь.

— Не вижу отсюда! — крикнул Лёша сверху. — Много! Человек двадцать, тридцать! Медленные!

— Зомби? — уточнил Олег, поднимаясь за мной по лестнице.

— Да! Медленные, старые, но их много!

Я вбежал на вышку. Лёша стоял у перил, сжимая автомат в руках, его лицо было бледным, но руки не дрожали — парень уже не тот испуганный подросток, которого мы нашли в супермаркете, он стал бойцом.

— Видишь? — он показал рукой на восток.

Я прищурился, всматриваясь в серую пелену утреннего тумана.

Из леса, со стороны старой дороги, выходили фигуры. Много. Медленные, шатающиеся, в рваной, пропитанной

грязью одежде, которая висела на них, как тряпки на пугалах. Некоторые тащили за собой оторванные конечности — руки, болтающиеся на сухожилиях, волочащиеся по земле. Другие ползли на четвереньках, волоча нижнюю часть тела, оставляя за собой тёмные полосы в грязи. Третьи шли прямо, но с такой неестественной походкой, будто их ноги двигались независимо от туловища.

— Зомби, — сказал я, хотя это и так было очевидно.

— Оттаяли, — ответил Лёша, и в его голосе прозвучало что-то похожее на обречённость.

— Вижу.

— Сколько их, как думаешь?

Я быстро пересчитал. Одна фигура, вторая, третья... сбивался, начинал заново. Их было трудно сосчитать, потому что они выходили из леса не сплошной массой, а поодиночке, растягиваясь в цепочку.

— Тридцать. Может, сорок.

— Справимся? — спросил Лёша, и в его голосе не было паники, только вопрос.

— Справимся, — ответил я.

И спустился вниз.

Во дворе уже была суматоха. Олег, Вера, Сергей, Михаил — все были на ногах, хватали оружие, надевали броню. Дима выбежал из казармы, натягивая на ходу гидрокостюм, и что-то кричал Лёше, который остался на вышке.

Ирина вышла из столовой, держа на руках Вику. Дочь не

плакала, только смотрела на взрослые лица, чувствуя тревогу, но не понимая её причины.

— Егор, — сказала Ирина, и её голос был спокойным, хотя я видел, как дрожат её пальцы. — Мы с детьми уходим в подвал?

— В подвал, — ответил я, подходя к ней. — Там безопаснее. Возьми с собой Светлану, Надю, Катю. Марина тоже пусть идёт. Детей всех туда. Аптечку возьмите, воду, одеяла.

— А если бой затянется?

— Тогда сидите тихо. Не выходить, пока я не приду.

Она поцеловала меня в щёку — холодными, сухими губами — и ушла в столовую, собирая остальных.

Я повернулся к своим.

— Все слышали? Лёша сказал — тридцать-сорок голов. Медленные, но свежие. Будем работать через щели и с вышки. Ворота не открываем. Патроны не жалеем, но стреляем только в голову.

— А если их больше? — спросил Михаил, поправляя бронжилет.

— Тогда будем биться до конца, пока не перебьём всех — ответил я.

Он кивнул. Спорить не стал.

Первый зомби подошёл к воротам через несколько минут. Это был мужчина лет сорока, в рваном пуховике, из которого торчали клочья синтепона, и зимних ботинках с оторванными подошвами. Его лицо было серым, обтянутым кожей,

как у мумии — ни кровинки, ни следа жизни. Глаза мутные, белые, ничего не видящие, но они смотрели в нашу сторону, и в этом было что-то жуткое, неправильное.

Он наткнулся на железо, потянул руки вперёд, пальцами заскрёб по металлу — мерзкий, царапающий звук. Челюсть его отвисла, и я увидел, как изо рта течёт какая-то чёрная жижа.

— Всё, сдохни, — сказал я и нажал на спуск.

Очередь была короткой, экономной — три патрона. Два ушли в голову, один — в грудь. Зомби рухнул замертво, дёрнулся несколько раз и затих.

— Есть! — крикнул Лёша с вышки.

Второй, третий, четвёртый подходили следом. Они не обращали внимания на труп, переступали через него, шли вперёд, как заводные куклы с поломанными механизмами.

Я бил короткими очередями, экономя патроны. Вера работала с правого фланга, через щель в стене — я видел, как её пули входят в черепа, как зомби падают, как их головы разлетаются осколками. Олег и Дима держали левый фланг.

— Они лезут! — крикнул Сергей.

С восточной стороны, где стена была слабее из-за старой трещины, зомби начали скапливаться. Они лезли друг на друга, пытались перелезть через бетон, цеплялись за трещины, обламывали ногти, но не отступали. Их было уже около десятка.

— Михаил, Сергей — туда! — скомандовал я.

Они бросились на восток. Я слышал, как застреляли их автоматы — короткими, экономными очередями.

— Дима — на вышку, помогай Лёше!

— Есть!

Бой длился около двадцати минут. Патроны мы не жалели — их у нас было много после склада, и я знал, что если уж «Армия» нападёт, то патроны нам всё равно не помогут, там будут другие методы. А зомби нужно было уничтожить сейчас, пока они не накопились у стен и не создали живую лестницу из своих тел.

Когда последний упал, я опустил автомат.

— Всё? — спросил я.

Вера пересчитала трупы.

— Тридцать четыре, — сказала она, запыхавшись. Я видел, как она вытирает рукавом пот со лба.

— Много.

— Но мы справились.

— Да.

Я вытер лицо. Рука пульсировала — камень впитывал смерти. Тридцать четыре зомби. Ещё тридцать четыре. Я чувствовал, как сила растёт, как мышцы наполняются энергией. Но вместе с силой приходила и усталость — не физическая, другая.

— Егор, — позвала Ирина из-за двери подвала. Я слышал её голос, но не видел лица. — Всё кончилось?

— Всё, — ответил я. — Можно выходить.

Она вышла на крыльцо, держа на руках Вику. Дочь смотрела на трупы широко раскрытыми глазами, но не плакала. Она привыкла. Это было страшно — осознавать, что ребёнок привыкает к смерти.

— Надо убрать тела, — сказала Вера.

— Сожжём за забором, — ответил я. — Олег, Дима, Лёша — за дело. Возьмите перчатки, не трогайте их голыми руками. Мало ли что.

Они взялись за работу, а я остался стоять у ворот.

Лес молчал. Птицы больше не пели. Только ветер гулял по верхушкам деревьев, да где-то далеко, за поворотом, слышались шаги — может, зомби, может, звери, может, сами.

Весна только начиналась.

Часть 3. Новая способность

Вечером, после того как тела сожгли, а оружие почистили, я сидел на вышке и смотрел на лес.

Луна ещё не взошла, но звёзды горели ярко, и на их фоне силуэты деревьев казались чёрными копьями, вонзёнными в небо. Тишина стояла такая, что звон в ушах казался громче выстрела. Я закрыл глаза и прислушался — не к внешним звукам, а к себе.

И вдруг я почувствовал.

Это было не зрение, не слух, не запах. Что-то другое, что-то, что жило теперь внутри меня, в левой руке, в голубых

венах, которые светились даже через рукав куртки. Камень пульсировал — медленно, ровно, как второе сердце, как маятник, отмеряющий время до следующей схватки.

И я чувствовал, что там, в лесу, есть они. Зомби. Много. Я чувствовал их как пульсацию, как тупую боль в затылке, как давление изнутри. Их было не видно, не слышно, но я знал, что они там, на расстоянии. Я не мог точно сосчитать, но знал, что они есть.

— Десять... двадцать... тридцать...

Я открыл глаза.

Лёша поднялся на вышку, чтобы проверить посты. Он шагал осторожно, чтобы не скрипеть досками, но я всё равно услышал его — у меня был чуткий слух.

— Лёша, — позвал я.

— Да? — он подошёл ближе, встал рядом, держа автомат на плече.

— Позови Веру и Иру.

— Что случилось? — он нахмурился, и в его голосе появилась тревога.

— Позови, — повторил я. — Скажи, что я просил.

Через несколько минут они стояли рядом — Ирина в куртке, накинутой поверх ночной рубашки, Вера в гидрокостюме и бронежилете, с ножом на поясе. Она всегда была готова к бою, даже ночью.

— Что ты хотел? — спросила Вера, с любопытством и настороженностью.

Я протянул левую руку, сжал её в кулак, а потом разжал, показав голубые вены, которые слабо светились в темноте.

— Положите руку сюда, — сказал я.

Ирина коснулась моего предплечья сначала нерешительно, потом увереннее. Вера сделала то же самое.

— Чувствуете? — спросил я.

Они молчали несколько секунд.

— Пульсация, — сказала Вера. — Сильная.

— Как будто что-то бьётся, — добавила Ирина.

— Камень, — ответил я. — Он внутри меня. Он даёт мне силу, скорость, регенерацию. И теперь — чутьё.

— Чутьё? — переспросила Вера, убирая руку.

— Я чувствую зомби. На расстоянии. Где они, сколько их, в какую сторону движутся.

Ирина побледнела. В свете звёзд я видел, как её лицо стало белым, как полотно, а губы сжались в тонкую линию.

— Это как? — спросила она.

— Как боль, — ответил я. — Тупая, пульсирующая. В затылке. Когда зомби близко — боль сильнее. Когда далеко — слабее.

— А сейчас? — спросила Вера, и её голос был спокойным, но я чувствовал, что она тоже напряжена.

Я закрыл глаза, прислушался.

— Сейчас в лесу, в радиусе ста метров, их нет. Но дальше есть. Много.

— Сколько?

— Не знаю точно. Но больше сотни.

Вера отняла руку.

— Ты уверен, что это не галлюцинация? — спросила она.

— Не самовнушение? Не от усталости?

— Уверен, — ответил я. — Потому что я чувствовал это сегодня утром. Когда зомби шли к воротам.

— И ты не сказал?

— А что бы изменилось?

Она замолчала.

Ира сжала мою ладонь.

— Боже, — прошептала она. — Ты становишься... кем-то другим.

— Я остаюсь собой, — ответил я. — Просто у меня есть оружие, которого нет у других.

— Опасное оружие, — сказала Вера.

— Все оружие опасное.

Она посмотрела на меня долго, пристально, изучающе.

— Ладно, — сказала она. — Будем считать, что это преимущество.

— Это преимущество, — подтвердил я.

Ирина взяла меня за руку.

— Только будь осторожен, — сказала она.

— Всегда, — ответил я.

— Не говори «всегда». Ты не можешь этого знать.

Она вздохнула, поцеловала меня в щёку и ушла в казарму.

Вера осталась.

— Егор, — сказала она. — Ты боишься этого камня?

— Боюсь, — ответил я.

— А что будет, если ты перестанешь бояться?

— Тогда я перестану быть человеком.

Она кивнула.

Часть 4. Тени у ворот

Ночью я спал плохо.

Камень пульсировал, затылок ныл, и я то и дело просыпался, прислушиваясь к темноте. В казарме было тихо, только кто-то храпел в углу — Олег, наверное. Я лежал, смотрел в потолок и считал удары своего сердца.

Ирина спала рядом, прижимая к себе Вику. Дочь дышала ровно, иногда вздыхала во сне, шевелила пальчиками.

В третий раз я не выдержал. Встал, надел гидрокостюм, натянул бронежилет, взял автомат. Вышел во двор.

Луна была уже высоко, заливая плац бледным, мертвенно-белым светом. Бетонные плиты блестели после дневного дождя, в лужах отражались звёзды. Где-то за воротами, в лесу, хрустнула ветка.

Я подошёл к стене, прильнул к смотровой щели — той самой, что мы проделали в железном листе, чтобы видеть подходы к воротам.

Тени.

Они двигались быстро, бесшумно, перебегая от дерева к

дереву. Три, нет, четыре, пять силуэтов. Человеческие. С автоматами. Они не скрывались — они крались, пригибаясь к земле, используя каждую кочку, каждый куст как укрытие.

— Олег! — крикнул я, не оборачиваясь. — Вера! Все сюда!

Из казармы выбежали наши. Олег, Вера, Сергей, Михаил. Дима и Лёша с вышки.

— Сколько? — спросил Олег, прижимаясь к стене рядом со мной.

— Пятеро. Может, шестеро.

— Люди?

— Да. С автоматами.

Вера подняла бинокль, который всегда носила с собой, всмотрелась.

— Это не зомби, — сказала она. — Они крадутся. Опытные. Один из них — в камуфляже, с нашивками. Не банда.

— Разведка, — ответил я. — «Армия» пришла.

— Что будем делать? — спросил Сергей.

— Ждать. Если полезут — стрелять.

Мы замерли.

Тени остановились у ворот. Одна из них отделилась, подошла ближе. Я видел её силуэт через щель — высокий, плечистый, в бронежилете. Автомат он держал на ремне, но рука лежала на рукояти — готов к бою.

— Открывай! — крикнул он. — Мы знаем, что вы там! Сдавайтесь!

Я молчал.

— Слышите? Сдавайтесь, и мы сохраним вам жизнь! У нас приказ! Странник ждёт вас!

Сергей хмыкнул.

— Странник? Кто это?

— Тишие, — сказал я.

— Отвечай! — крикнул голос с той стороны. — Или мы пойдём на штурм!

— Идите! — крикнул я в ответ. — Посмотрим, что у вас выйдет!

Повисла тишина. Потом тени попятились, скрылись в лесу.

— Ушли? — спросил Дима с вышки.

— Ушли, — ответил я.

— Почему не напали? — спросил Михаил.

— Разведка, — ответил я. — Узнали, что нас много. Что мы готовы. Что стены крепкие.

— И что теперь?

— Теперь будут готовиться. И вернуться.

Я повернулся к остальным.

— Всем спать. Завтра тяжелый день.

— А ты не идёшь? — спросила Ирина, стоявшая в дверях столовой. Её голос был тихим, но я слышал в нём беспокойство.

— А я подежурю, — ответил я. — Кто-то же должен смотреть за лесом.

— Егор, ты почти не спал.

— Я посплю завтра.

Она хотела возразить, но я покачал головой.

— Иди. Вика одна.

— Вика спит, — ответила Ирина, но всё же ушла.

Часть 5. Совет

Утром я собрал всех в столовой.

Люди сидели на лавках, кто-то клевал носом, кто-то нервно крутил в руках кружку с остывшим кипятком. Детей увели в подвал — Надя и Светлана сидели с ними, чтобы не мешали взрослым. Николая я попросил остаться — он был не боец, но мудрый, его слово имело вес.

Я встал во главе стола, положил руки на столешницу.

— У нас проблема, — начал я. — Вчера ночью к воротам приходили разведчики. Они назвались — «Армия». Их командира зовут «Странник».

— Кто это? — спросил Михаил. Он сидел, сжав кулаки, и я видел, как его челюсть напряглась.

— Человек, который хочет захватить нашу базу, — ответил я. — И не только нашу. Он собирает силы, строит свой «новый порядок». Как банда Бориса, только хуже.

— Чем хуже? — спросил Сергей.

— Борис был мародёром, грабителем, маньяком. У него была ярость, но не было системы. А у «Странника» есть си-

стема. Идея. Дисциплина. Он не просто убивает — он строит.

— Что значит — строит? — спросила Вера.

— Слабые служат сильным. Выжившие — армии. Несогласные — под нож. Он верит, что только так можно спасти человечество.

— И ты знаешь его? — спросил Сергей, внимательно глядя на меня.

— Знаю, — ответил я. — По прошлой жизни.

Вера побледнела.

— Тот самый? — спросила она. — Кто уничтожил «Сопку»?

— Тот самый.

Повисла тишина.

— Расскажи, — потребовал Михаил.

Я рассказал.

Про мост, про вертолёт, про пулемётные очереди, про то, как падали люди, которых я знал. Про то, как Вера, стоя на коленях, смотрела в небо и прошептала: «Егор, беги». Про то, как я упал с моста в воду, как течение унесло меня, как я выжил.

Когда я закончил, в столовой было тихо.

— Теперь он здесь, — сказал я. — И у нас есть шанс.

— Какой шанс? — спросил Михаил.

— Мы знаем, кто он. Мы знаем, как он действует. Мы знаем, что он не любит долгих осад — он предпочитает быст-

рые, решительные удары. Мы можем подготовиться.

— А если он пойдёт в лоб? — спросил Сергей.

— Отобьёмся. И на крайний случай у нас есть бункер.

— Что если будет таранить ворота танком?

— Нет у него тяжёлой техники, — ответил я. — БТРы и грузовики — да, но не танки, не вертолёт. Он не всемогущий.

Спорили долго.

Вера предлагала уйти в лес, рассредоточиться, бить партизанскими методами. Сергей и Михаил — подготовить засады на дорогах, не ждать у ворот. Олег — копать окопы, ставить растяжки, минировать подходы. Катя молчала, но я видел, что она взволнована.

Ирина сидела в углу, прижимая к себе спящую Вику. Она молчала, но я видел, что она слушает, и её глаза говорили больше, чем слова.

— Что ты думаешь? — спросил я её.

Она подняла голову.

— Я думаю, что уходить некуда, — сказала она. — Мы уже уходили с квартиры. Уходили с фермы. И каждый раз теряли что-то — вещи, людей, надежду. Теперь мы здесь. Это наш дом.

— Даже если здесь опасно?

— Везде опасно, Егор. Но дома стены родные.

— Ты права, — ответил я.

Я обвёл взглядом всех.

— Решили. Остаёмся. Укрепляемся. Готовимся к осаде.

— А если они не придут? — спросил Лёша с задней лавки.

— Придут, — ответил я. — Я знаю этого человека. Он придёт.

Часть 6. Подготовка

Следующие два дня мы почти не спали.

Днём копали окопы, ставили растяжки, укрепляли ворота.

Ночью дежурили, всматриваясь в лес, откуда в любую минуту могла прийти «Армия».

Олег с Сергеем и Михаилом вкапывали столбы перед стеной, натягивали колючую проволоку — ту самую, что мы нашли в амбаре на ферме и привезли с собой. Работа была тяжёлой, земля мёрзлая, но они справлялись.

— Ничего, — говорил Олег, вытирая пот со лба. — Зато теперь ни один чёрт не пролезет.

— Не пролезет, — соглашался Сергей.

Дима-механик сварил дополнительные засовы для ворот, укрепил их цепями. Он работал молча, сосредоточенно, и только иногда вздыхал, когда что-то не получалось.

— Теперь не выломают, — сказал он, закончив.

— Надеюсь, — ответил я.

Вера с Димой и Лёшей устанавливали растяжки на подступах — гранаты на леске, прикопанные в снегу. Весна мешала — снег таял, грязь размывала укрытия, приходилось

маскировать заново, проверять каждый колышек.

— Сработают? — спросил я, проверяя одну из них.

— Если наступят — да, — ответила Вера. — Но если пойдут по одному — нет.

— Пойдут массой, — сказал я.

— Тогда сработают.

Ирина с Катей и Мариной готовили подвал. Складывали туда еду, воду, медикаменты, патроны. Детям постелили на старых матрасах — на случай, если придётся сидеть там несколько дней.

— На сколько хватит? — спросила Ирина.

— На месяц, максимум два, — ответила Катя. — Если будем экономить.

Ирина вздохнула.

— Будем экономить.

Николай сидел в столовой, перебирал крупу, отделял хорошую от плохой. Работал он медленно, но старательно, и его морщинистое лицо было сосредоточенным.

— Егор, — позвал он, когда я проходил мимо.

— Да?

— Ты веришь, что мы выстоим?

Я остановился.

— Верю, — ответил я.

— А если нет?

— Тогда будем отступать.

— Куда?

— В лес. Или дальше на восток.

Он покачал головой.

— Я старый, Егор. Далеко не уйду.

— Мы не бросим тебя, Николай.

— Знаю, — он улыбнулся — грустно, обречённо. — Но не обременяйте себя. Если что — я останусь, прикрою отход.

— Не говори так, — сказал я.

— Почему? Это правда. Я своё прожил. А вам ещё жить и жить.

Я присел рядом.

— Ты не обуза, Николай. Ты — память.

— О чём?

— О том, что мы воюем не просто за жизнь. Мы воюем за человечность.

Он посмотрел на меня долго, пристально, и я увидел в его глазах что-то тёплое, давно забытое.

— Ты мудрый, Егор.

— Нет. Я просто много видел.

Он кивнул и вернулся к крупе.

Часть 7. Ирина учится стрелять

Вечером, перед закатом, Ира подошла ко мне на крыльце.

— Егор, — сказала она.

— Что?

— Научи меня.

— Чему?

— Стрелять. По-настоящему.

— Ты уже умеешь.

— Не так, как нужно, — она покачала головой. — Если придётся защищать Вику, я должна быть уверена в себе. В том, что не промахнусь.

Я посмотрел на неё. В её глазах была не просьба — требование.

— Ира, ты не будешь одна.

— А если все будут в бою? А если ты не вернёшься?

— Я вернусь.

— Не обещай, — сказала она.

Я помолчал.

— Ладно. Пойдём.

Мы вышли за стену, в лес. Я выбрал поляну, где не было следов — ни звериных, ни человеческих. Поставил на пень консервную банку — цель.

— Смотри, — я достал пистолет, передёрнул затвор, показал. — Целишься не в голову, а в центр груди. Проще попасть.

— Но зомби надо в голову, — возразила она.

— Зомби — да. А люди падают и от пули в грудь.

— А если в бронежилете?

— Тогда в голову.

Она прицелилась. Я видел, как её руки дрожат — не от страха, от напряжения.

— Расслабь плечи, — сказал я. — Не зажимайся. Дыши ровно. Выстрел — на выдохе.

Она выстрелила.

Пуля ушла в дерево, сбив кору. Банка осталась стоять.

— Ещё, — сказал я.

Она выстрелила снова — теперь ближе, но всё равно мимо.

— Лучше. Ещё раз.

Третий выстрел попал в ствол, рядом с банкой. Четвёртый сбил банку с пня.

— Хорошо, — сказал я. — Но целься не в ствол, не в банку. В то место, где у человека сердце.

Она кивнула.

Мы стреляли, пока не кончились патроны в магазине. Я пересчитал попадания.

— Восемь из десяти в цель, — сказал я. — Неплохо для начинающей.

— Я не начинающая, — ответила она. — Я мать.

— Это не делает тебя снайпером.

— Но это даёт мне мотивацию.

Я улыбнулся.

— Ладно. Согласен.

В лесу темнело.

— Пойдём, — сказал я. — Завтра продолжим.

Она взяла меня за руку.

— Егор, я боюсь.

— Я знаю.

— Не за себя — за Вику.

— Я тоже.

Она прижалась ко мне, положила голову на плечо.

— Ты сильный.

— Нет. Просто у меня нет выбора.

— У всех есть выбор.

— У меня — нет. Я должен защищать вас. Это не выбор.

Это долг.

Она помолчала.

— Пойдём в дом. Холодно.

— Пойдём.

Мы вернулись в казарму.

Часть 8. Затишье и тревога

Прошло три дня.

«Армия» не появлялась. Разведчики не приходили. Лес молчал.

Мы укрепляли базу, тренировались, ждали. Я каждый вечер поднимался на вышку, закрывал глаза и прислушивался к пульсации камня. Ничего. Тишина. Но это была не та тишина, которая приносит покой. Это была тишина перед бурей — тягучая, тревожная, давящая.

Люди нервничали. Светлана срывалась на детях, потом плакала, извинялась. Надя стала ещё тише, почти не выходи-

ла из подвала. Сергей и Михаил молчали, сидели у оружия, проверяли его по десять раз на дню.

Вера тоже была не в своей тарелке.

— Долго они, — сказала она, когда мы сидели в штабе и смотрели на карту.

— Ждут, — ответил я.

— Чего?

— Пока мы расслабимся.

— Мы не расслабляемся.

— Знаю. Но они думают иначе.

Вера отложила карандаш.

— Егор, а что, если они ушли?

— Не ушли.

— Откуда такая уверенность?

— Потому что я знаю Странника, — сказал я. — Он не уходит. Он ждёт. Он собирает информацию. Изучает слабые места. И когда поймёт, что готов — ударит.

— А если он уже готов?

— Тогда он уже в пути.

В дверь постучали.

— Войдите, — сказал я.

Вошел Лёша. Он был бледен, и я сразу понял — что-то случилось.

— Егор, — сказал он. — Я был на вышке. Слышал шум. Со стороны леса.

— Какой шум?

— Моторы. Грузовики. Много.

Я встал.

— Сколько?

— Не знаю. Но много. И они приближаются.

Я посмотрел на Веру.

— Начинается, — сказал я.

— Начинается, — повторила она.

Мы вышли на улицу.

Часть 9. Они идут

С вышки открывался вид на лес и старую дорогу, которая вела к нашему городку. Обычно там было пусто, только ветер и птицы. Но сейчас оттуда доносился звук — ровный, тяжёлый, нарастающий.

Гул моторов.

Я прильнул к биноклю. В оптике было видно, как из-за поворота выезжают грузовики. Серые, армейские, с брезентовыми тентами. Четыре, пять, шесть. За ними — люди. Много. Шеренгами, как на параде, с автоматами наперевес.

— «Армия», — сказала Вера.

— Да, — ответил я.

Олег спросил, напряжённо вглядываясь:

— Сколько их?

— Не сосчитать. Но много. Сотни.

— Сотни? — переспросил Лёша, и в его голосе прозвучал

неподдельный страх.

— Не меньше двухсот, — ответил я.

Олег выругался сквозь зубы.

— Твою мать...

— Не матерись, — сказал я. — Толку не будет.

— А что будет? — спросил Лёша.

— Бой.

Я спустился вниз.

— Всем по местам! — крикнул я. — Готовиться к обороне! Олег, Дима — на пулемёт! Вера, Сергей, Михаил — к восточной стене! Лёша — на вышку, будешь корректировать огонь!

— А ты? — спросила Ирина, выходя из казармы.

— Я у ворот.

Она подошла, обняла меня.

— Ты вернёшься?

— Всегда возвращаюсь.

— Я серьёзно, Егор.

— Я тоже.

Она поцеловала меня, быстро, сухо, и ушла в подвал — уводить детей.

Гул моторов приближался.

Лес оживал.

Часть 10. Тишина перед боем

Я стоял у ворот, сжимая в руках автомат.

Рядом — Олег, Дима, Вера. Сергей и Михаил на восточной стене. Лёша на вышке.

Грузовики остановились в полукилометре от ворот. Из них высыпали люди. Много. Они строились в шеренги, проверяли оружие, ждали команды.

— Что они делают? — спросил Дима.

— Строятся, — ответил я. — Чтобы пойти в атаку организованно.

— Почему не стреляют?

— Ждут. Наверное, хотят предложить сдать.

— А нахер бы им не пойти? Мы не сдадимся, — сказал Олег.

— Нет, — ответил я. — Не сдадимся.

Из толпы отделился человек. Высокий, плечистый, в чёрном плаще. Он подошёл к воротам, остановился.

— Вы окружены! — крикнул он. — У вас нет шанса! Сдавайтесь, и мы сохраним вам жизнь!

— Кто ты? — крикнул я в ответ.

— Голос Странника! Он предлагает вам пощаду! В последний раз!

— Передай Страннику, — крикнул я. — Мы не сдаёмся!

— Тогда вы все погибните!

— Ну так придите и убейте нас! Если сможете.

Человек в чёрном помолчал, потом повернулся и пошёл обратно.

— Готовьтесь, — сказал я своим.

— К чему? — спросил Дима.

— К бою.

В лесу взревели моторы. Грузовики двинулись вперёд.

Всё началось.

Глава 3. Первая волна

Часть 1. Первая атака

Гул моторов нарастал, как надвигающаяся гроза, и я стоял у ворот, сжимая в руках автомат, и чувствовал, как земля под ногами начинает мелко вибрировать. Шесть грузовиков «Армии» выстроились в колонну на старой дороге, их серые борта были исцарапаны пулями, брезентовые тенты порваны в нескольких местах. Из-под тентов выглядывали стволы автоматов — люди внутри готовились к бою, перезаряжали оружие, проверяли магазины.

— Что они делают? — спросил Дима, сидя за пулемётом на крыше штаба. Его голос в рации звучал напряжённо, но без паники.

— Строятся, — ответил я, не отрывая взгляда от колонны. — Хотят пойти в атаку организовано. Сначала пехота, потом грузовики таранят ворота. Старая тактика, ещё из первой чеченской.

— И что, работает? — спросил Лёша с вышки. Он стоял у перил, сжимая в руках бинокль, и я видел, как его силуэт напряжённо замер.

— Если ворота слабые — работает. Но наши ворота выдержат. Дима-механик их укреплял два дня, цепями обма-

тывал, засовами дополнительными.

— А если выдержат? — спросил Олег, стоявший справа от меня, прижавшись плечом к бетонной стене.

— Тогда они пойдут на стены. Лестницы у них есть, я видел ещё вчера, когда они лагерь разбивали. Штурмовые, складные, из алюминия. Лёгкие, но прочные.

Из леса, со стороны дороги, раздалась резкая команда, которую я не разобрал по смыслу, но понял по тону — сейчас начнётся.

— Всем приготовиться, — сказал я в рацию. — Огонь открывать только по моей команде. Патроны не жалеть, но стрелять прицельно. Пулемётчикам работать короткими очередями, не перегревать ствол.

— А если они пойдут в лобовую? — спросил Сергей. Он был на восточной стене вместе с Верой и Михаилом, и я слышал, как он перезаряжает автомат — металлический лязг затвора, звон магазина о бетон.

— Тогда будем бить в лобовую. У нас есть пулемёт, у них — только автоматы. Наши стены выше, наши позиции лучше. У них численность, у нас — укрепления. Кто выживет — увидим.

— Хороший расклад, — хмыкнул Михаил. — Никто не выживет.

— Мы выживем, — ответил я. — Потому что нам некуда отступать. За нами — дети. За нами — женщины. За нами — дом. А они воюют за приказ. Кто сильнее — я не знаю.

Но кто будет биться до конца — знаю.

Первая волна вышла из леса через минуту.

Их было около пятидесяти. Мужчины в камуфляже, некоторые в бронежилетах поверх обычных курток, с автоматами наперевес. Они не бежали сплошной толпой — рассредоточились по полю, перебегали от дерева к дереву, от кочки к кочке, используя каждое укрытие. Я видел, как некоторые из них перекатывались по земле, как на учениях, и понимал — эти люди прошли подготовку. Не банда, не сборище отчаявшихся. Настоящая армия.

— Лёша, сколько целей? — спросил я.

— Пятьдесят — шестьдесят, — ответил он. — Точно не сосчитать, они быстро двигаются.

— Дима, по моей команде.

— Жду.

Я прицелился в первого, кто выбежал из-за дерева. Мужчина лет тридцати, в бронежилете, с автоматом ППШ — странное оружие для армии, значит, у них есть и трофейные стволы. Он бежал быстрее остальных, видимо, был в хорошей физической форме.

— Огонь, — сказал я.

Пулемёт заревел.

Дима дал короткую очередь — пять-семь патронов, не больше. Пули ушли в толпу, и я увидел, как трое упали. Один замертво — пуля попала в голову. Второй закричал, схватившись за ногу — ранен, но жив. Третьего отбросило назад,

он упал и не шевелился.

— Есть! — крикнул Дима.

— Не ори, — сказал я. — Работай дальше.

Я нажал на спуск.

Автомат в моих руках дрожал, выбрасывая гильзы. Пули уходили в поле, в деревья, в тела. Я стрелял короткими очередями — по три-пять патронов, экономя магазины, но не жалея их. Моя цель была не нанести максимальный урон — моя цель была заставить их залечь, остановиться, потерять темп.

Мне это удалось.

Крики командиров, разрывы пулемётных очередей, свист пуль — всё смешалось в какофонию. Первая волна залегла в грязи, не добежав до ворот метров сто. Некоторые стреляли в ответ, пули били в бетон, выбивая крошку, но не причиняя вреда.

— Они заходят справа! — крикнул Лёша.

Я повернулся к восточной стене.

Там, где Вера, Сергей и Михаил держали оборону, было жарче. От второй волны, которая вышла из леса с фланга, их отделяло всего метров пятьдесят. Они стреляли, не переставая, и я видел, как Вера, стоя за бетонным блоком, методично, без эмоций, укладывала нападающих одного за другим.

— Вера, держитесь! — крикнул я в рацию.

— Держимся! — ответил Сергей. — Но у них есть лестницы, Егор! Несколько человек уже пытались перелезть!

— Сбейте их! Иначе лестницы станут мостами, и они пойдут прямо на стену!

— Пытаемся! Но их слишком много!

Я хотел броситься к восточной стене, но не успел.

С левого фланга, с запада, вышла третья волна. Они не стреляли — они бежали к западной стене с лестницами наперевес, низко пригибаясь к земле. Их было около двадцати, и они двигались очень быстро — быстрее, чем остальные.

— Чёрт! — выругался Олег. — Егор, они заходят с запада!

— Вижу!

Я сделал выбор.

— Олег, остаёшься здесь! Дима, продолжай работать! Лёша, корректируй огонь! Я на запад!

Не дожидаясь ответа, я побежал.

Часть 2. Скорость камня

Скорость камня толкнула меня вперёд с такой силой, что грязь и снег взметнулись из-под ног фонтаном.

Я бежал не как человек — я скользил над землёй, почти летел, перепрыгивая через трупы, через ямы, через брошенные автоматы. Камень внутри меня пульсировал в такт ударам сердца, давая мышцам энергию, которой не было у обычного человека. В такие моменты я чувствовал себя не просто сильным — я чувствовал себя неуязвимым.

Расстояние до западной стены — двести метров — я пре-

одолеет за десять секунд.

Когда я влетел в толпу, они не успели даже понять, что произошло.

Первого я сбил плечом — просто врезался в него на полной скорости, даже не используя оружие. Его тело отлетело на пять метров, ударилось о дерево и замерло, сломанное. Вторым и третьим пытались поднять лестницу — я ударил одного ногой в грудь, другого прикладом в лицо. Они упали, закричали, но я не стал их добивать — я продолжал двигаться.

Четвёртый выстрелил в меня из автомата. Пули прошли мимо — я ушёл в сторону, пригнулся, пропуская их над головой, и в ответ полоснул очередью из своего автомата. Короткая очередь — три патрона — ушла в грудь. Он упал.

Пятый и шестой бежали к стене с лестницей. Я догнал их за три шага — сначала одного ударил ножом в горло, второго мачете по шее. Они упали почти одновременно, и я перешагнул через их тела.

— Егор, их много! — крикнул Лёша с вышки. — С запада идёт ещё группа, человек пятнадцать!

— Вижу!

Я не стал ждать.

Я выхватил из-за пояса гранату — РГД-5, трофейную, со склада. Рванул кольцо, бросил в гущу нападавших.

Взрыв был сильным — дым, осколки, крики. Я пригнулся, переждал, потом поднялся и побежал дальше.

Оставшиеся в живых — их было около десяти — побежали обратно в лес. Я не стал их преследовать. Не было времени.

— Егор, возвращайся! — крикнул Олег. — У ворот жарко!

— Бегу!

Я снова побежал.

Часть 3. Пулемёт и грузовик

Когда я вернулся к воротам, грузовики уже двинулись на нас.

Первый — Урал, старый, с проржавевшим кузовом, но на ходу. Он шёл прямо на ворота, набирая скорость. За рулём сидел человек в каске — я видел его лицо: злое, решительное, с перекошенным от напряжения ртом.

— Дима! — крикнул я. — По грузовику! Останови его!

— Понял!

Пулемёт застрочил очередями. Пули били по кабине, по стёклам, по радиатору. Стёкла разлетелись, кабина превратилась в решето. Грузовик вильнул влево, потом вправо — и врезался в бетонный блок, который мы установили сбоку от ворот.

Удар был сильным. Блок треснул, но выдержал. Грузовик замер, из-под капота повалил дым.

— Есть! — крикнул Дима.

— Не ори! Второй!

Второй грузовик — ЗИЛ, поменьше, — обходил первый слева. Я выбежал из-за стены, встал у него на пути.

Водитель увидел меня. Его глаза расширились — он не ожидал, что кто-то выйдет ему навстречу. Он нажал на газ, пытаясь сбить меня.

Я прыгнул.

Скорость камня позволила мне оттолкнуться от земли и перелететь через кабину. Я приземлился на кузов, схватился за брезентовый тент, подтянулся. Внутри — восемь человек с автоматами. Они смотрели на меня, не веря своим глазам.

Я выстрелил первым.

Короткая очередь. Трое упали. Остальные попытались поднять оружие, но я уже прыгнул дальше — в кабину, через окно, которое было выбито пулями.

Водитель закричал. Я ударил его прикладом в лицо, выключил зажигание, вытащил ключи. Грузовик замер, врезавшись в бетонную стену.

Я выпрыгнул наружу.

— Егор, ты живой? — спросил Олег.

— Живой, — ответил я. — Второй грузовик остановлен.

— Третий!

Третий грузовик — такой же Урал — развернулся и пошёл на таран с другой стороны. Я не успевал добежать.

— Дима! — крикнул я. — Пулемёт! Сейчас!

Пулемёт заревел снова.

Часть 4. Ирина под огнём

В подвале было темно и душно.

Каждая секунда тянулась как час. Каждый выстрел над головой отдавался в груди тупой болью.

Ирина сидела на старом матрасе, прижимая к себе Вику. Дочь не плакала — она притихла, чувствуя тревогу матери, и только иногда вздыхала во сне.

— Что там? — прошептала Надя. — Почему так долго?

— Не знаю, — ответила Ирина. — Но Егор сказал ждать.

— А если он не вернётся?

— Вернётся.

Ира говорила это не потому, что была уверена. Она говорила это потому, что не могла позволить себе усомниться. Сомнение — это страх. Страх — это паника. Паника — это смерть.

Светлана сидела в углу с Настей и Павлом, обнимала их, прижимала к себе. Дети молчали — они привыкли. Слишком быстро привыкли.

Катя и Марина готовили аптечки — раскладывали бинты, жгуты, антисептики. Катя была спокойна, её руки не дрожали, но Марина — нет. Марина боялась. Она перебирала бинты снова и снова, не в силах остановиться.

— Перестань, — сказала Катя. — Хватит.

— А если их будет слишком много? — спросила Марина.

— А если они прорвутся?

— Не прорвутся.

— Откуда ты знаешь?

— Потому что Егор там.

Марина покачала головой.

— Егор — один.

— Егор — не один. С ним Олег, Вера, Сергей, Михаил, Дима, Лёша. С ним вся наша группа. И он сильнее всех.

— Сильнее?

— Да. Ты видела, как он дерётся? Я видела. Он уже не обычный человек.

Ира слушала и молчала.

Она не молилась. Она не верила в бога — не после того, что случилось с миром. Но она верила в мужа. И сейчас, сидя в тёмном подвале, прижимая к себе дочь, она поняла — это всё, что у неё есть. Вера в человека, который любит её. Который защищает её. Который, возможно, не вернётся.

— Пожалуйста, — прошептала она так тихо, что никто не услышал. — Пожалуйста, вернись.

Сверху грохнуло особенно сильно. Посыпалась штукатурка.

Вика проснулась, заплакала.

— Тихо, тихо, — сказала Ирина, качая её на руках. — Всё будет хорошо.

Она сама не верила в то, что говорила. Но верить было необходимо.

Часть 5. Дима и Лёша на вышке

Дима работал из пулемёта, не переставая.

Короткие очереди — пять-семь патронов — сменяли друг друга с интервалом в несколько секунд. Ствол пулемёта нагрелся, покраснел, из кожуха шёл дым. Рядом с ним стоял Лёша, подавал новые ленты, помогал заряжать.

— Третья лента уходит, — сказал Лёша, глядя на счётчик.

— Знаю, — ответил Дима, не оборачиваясь. — У нас их пять. Хватит.

— А если не хватит?

— Тогда будем стрелять из автоматов.

Лёша помолчал.

— Дима, — сказал он. — А ты боишься?

— Боюсь.

— По тебе не видно.

— Потому что если я задрожу, пулемёт начнёт прыгать. А если пулемёт начнёт прыгать, я промахнусь. А если я промахнусь, эти твари доберутся до ворот.

Лёша кивнул.

— Ладно, — сказал он. — Давай следующую ленту.

Дима передёрнул затвор.

— Давай.

Пулемёт заревел снова.

Часть 6. Первое ранение

Бой длился уже около часа, когда Сергей крикнул в рацию:

— Вера ранена!

У меня ёкнуло сердце. Я побежал к восточной стене.

Когда я добежал, Вера стояла на коленях, прижимая руку к плечу. Сквозь пальцы сочилась кровь — не сильно, но рана была неприятной. Рядом с ней лежал труп нападавшего — она успела зарезать его, прежде чем он выстрелил.

— Серьёзно? — спросил я, опускаясь рядом.

— Царапина, — ответила Вера, кривясь от боли. — Глубоко, но кость не задела.

— Ты его убила?

— Да.

— Хорошо.

Я повернулся к Сергею.

— Займи её место.

— Уже занял.

Сергей стрелял из-за бетонного блока, не переставая.

Вера поднялась, зажимая рану.

— Могу дальше, — сказала она.

— Нет, — ответил я. — Иди в подвал. Катя перевяжет.

— Егор...

— Вера, я сказал. Иди.

Она хотела спорить, но передумала. Кивнула и побежала

к штабу.

Я остался один на восточной стене.

Часть 7. Егор в ближнем бою

Они прорвались с восточной стороны через двадцать минут.

Пятеро — быстрые, злые, с ножами и автоматами. Они обошли стену там, где было слабое место, и ворвались во двор.

Я встретил их лицом к лицу.

Первый бросился на меня с ножом. Я ушёл в сторону, пропуская его мимо, и ударил прикладом в спину. Он упал, я добил его ногой по голове.

Второй и третий стреляли — но я уже был в движении. Скорость камня позволила мне уклониться от пуль, подбежать к ним, выхватить нож и полоснуть одного по горлу. Он упал, захлёбываясь кровью.

Четвёртый попытался убежать — я догнал его за несколькими метрами, схватил за воротник куртки, развернул и ударил кулаком в лицо. Он отлетел к стене и затих.

Пятый замер, подняв руки.

— Не стреляй, — сказал он. — Я сдаюсь.

— Поздно, — ответил я и выстрелил ему в голову.

Никого не должно было остаться в живых, чтобы рассказать об этом.

Я обернулся.

— Есть ещё кто? — спросил я в рацию.

— Чисто! — ответил Лёша. — Отходят!

— Второй штурм?

— Не вижу!

Я вытер лицо.

— Всем оставаться на местах. Это ещё не конец.

Часть 8. Отход «Армии»

Первая атака откатилась через два часа.

Грузовики ушли в лес. Те, кто выжил, побрели следом — усталые, раненые, сломленные. Поле перед воротами было усеяно трупами — около пятидесяти человек. Наши потери — двое раненых (Вера и Сергей), ни одного убитого.

Я стоял у ворот, тяжело дыша, и смотрел на поле боя. Левая рука пульсировала — камень впитывал смерти, превращая их в силу, в скорость, в ярость. Я чувствовал, как мышцы наполняются энергией, как уходит усталость, как кровь бежит быстрее. Но вместе с силой приходило и что-то ещё — холодное, тяжёлое, то, что я не мог объяснить словами.

— Подсчитай трофеи, — сказал я Олегу, который стоял рядом, вытирая автомат грязной тряпкой.

— Уже, — ответил он, не поднимая головы. — Собрали десять автоматов, пять пистолетов, патронов — около тысячи. Бронежилеты — четыре штуки, два целых, два проби-

тых, но может ещё пригодятся на запчасти. Еды — ничего, они с собой не таскали, только оружие и патроны.

— А наши запасы?

— Дима-механик пересчитал — на складе ещё три ящика патронов к автоматам, два ящика к пистолетам, гранаты — четыре ящика, почти полные. Провизии — на месяц, если не будем шиковать.

— Значит, патронов у нас достаточно, — сказал я, и это была не просьба подтвердить, а утверждение.

— Достаточно, — кивнул Олег. — Но если они будут штурмовать каждый день, через неделю мы останемся с пустыми стволами. Не потому, что мало, а потому, что мы тратим больше, чем они. У них сотни человек, у нас — двадцать один. Каждый наш выстрел должен попадать в цель.

— Это не проблема, — ответил я. — Вопрос не в количестве патронов. Вопрос в том, сколько они ещё пошлют людей на убой.

— Думаешь, у них много?

— У них — да. У Странника — тем более. Он не считает своих солдат. Для него они — расходный материал. Пушечное мясо.

Олег покачал головой.

— И ты хочешь победить такого?

— Я хочу выжить, — ответил я. — А победить... победить мы не сможем. Мы можем только заставить их заплатить такую цену, которую они не захотят платить снова.

Я повернулся к вышке.

— Дима, сколько лент осталось?

— Три, — ответил он сверху. — Две ушли сегодня. Ещё две в запасе, плюс одна неполная.

— Экономь, но не жадничай. Если увидят, что пулемёт замолк — пойдут в открытую.

— Понял.

Я посмотрел на небо. Оно темнело, но до полной темноты оставалось ещё часа два. Этого времени должно было хватить, чтобы убрать трупы, перегруппироваться и подготовиться ко второй волне.

— Всем оставаться на местах! — крикнул я. — Олег, организуй сбор трофеев. Вера, как твоё плечо?

— Заживёт, — ответила она. Она сидела на крыльце столовой, Катя перевязывала ей плечо, и я видел, как Вера морщится от боли, но не издаёт ни звука.

— В подвал? — спросил я.

— Нет, — ответила она твёрдо. — Остаюсь здесь. Если они пойдут снова, я должна быть на месте.

— Ты ранена.

— Я ранена, но не мертва. И пока я жива, я буду драться.

Я не стал спорить. Вера — не тот человек, которого можно переубедить. Она была спортсменкой, мастером спорта по самбо, и её характер закалился на тренировках задолго до того, как мир рухнул.

— Ладно, — сказал я. — Но если начнётся сильное кро-

вотечение — уходишь.

— Договорились.

Часть 9. Экономия и перегруппировка

К вечеру мы привели всё в порядок.

Трупы убрали за стену, в лес, чтобы не привлекали зомби. Оружие и патроны пересчитали, разложили по ящикам, спрятали в подвал. Раненых перевязали, напоили кипятком, уложили отдыхать.

Ира вышла из подвала, держа на руках Вику, и подошла ко мне.

— Егор, — сказала она. — Ты как?

— Нормально, — ответил я.

— Не ври, — она посмотрела на меня внимательно, изучающе. — Я вижу, что ты устал.

— Я не устаю. Камень даёт мне силы.

— А морально?

Я помолчал.

— Морально — да, устал, — признался я. — Но это не важно.

— Важно, — сказала она. — Если ты устанешь морально, ты начнёшь ошибаться. А если ты начнёшь ошибаться, мы все погибнем.

— Я не ошибаюсь.

— Ты человек, Егор. Даже с камнем.

— Иногда я сомневаюсь, что я ещё человек.

Она взяла меня за руку.

— Ты человек, — сказала она. — Потому что ты чувствуешь. Потому что ты любишь. Потому что ты защищаешь.

Она поцеловала меня в щёку — быстро, но тепло — и ушла в столовую.

Я остался стоять у ворот.

Николай подошёл ко мне, опираясь на палку — он её нашёл в сарае и теперь всегда носил с собой, хотя хромал не сильно.

— Егор, — сказал он. — Я хочу тебя кое о чём спросить.

— Спрашивай.

— Ты веришь, что мы выстоим?

— Верю, — ответил я.

— Почему?

— Потому что у нас есть стены, есть оружие, есть патроны — и их достаточно. Потому что у нас есть люди, которые не сдаются. Потому что мы уже прошли через ад и остались живы.

Николай кивнул.

— Я тоже верю, — сказал он. — Но не в стены и не в оружие.

— А во что?

— В тебя, — ответил он. — Ты — наш командир. Ты — наша надежда. Если ты сломаешься, сломаемся все.

— Не сломаюсь, — сказал я.

— Знаю, — он улыбнулся. — Потому что ты упрямый.

Я усмехнулся.

— Это да.

Он похлопал меня по плечу и ушёл в столовую.

Я остался один.

В лесу темнело. Где-то там, за деревьями, пряталась «Армия». Раненая, но не сломленная. Они перегруппировывались, пересчитывали потери, ждали приказа.

Я смотрел в темноту и чувствовал, как камень внутри меня пульсирует в такт сердцу.

— Приходите, — сказал я тихо. — Я вас встречу.

Часть 10. Разговор с Верой

Поздно вечером я поднялся на вышку.

Вера сидела там, перебирая патроны. Её плечо было перевязано, но она уже не хромала и не морщилась при каждом движении. Катя сделала хорошую работу — рана была чистой, швы крепкими. Через несколько дней Вера сможет снова драться в полную силу.

— Как ты? — спросил я, садясь рядом.

— Нормально, — ответила она, не поднимая головы. — Катя сказала, что через неделю снимет швы. Кость не задета, мышцы целы. Буду как новенькая.

— Хорошо.

— Егор, — сказала она после паузы, откладывая патроны

в сторону и поднимая на меня глаза. — Сколько ещё мы выдержим? Не по ресурсам — по духу.

— А что с духом?

— Люди нервничают, — ответила она. — Светлана плачет по ночам, думает, что никто не слышит. Надя замкнулась, почти не выходит из подвала. Даже Михаил — и тот начал сомневаться.

— В чём?

— В том, что мы победим.

— Мы и не победим, — сказал я. — Мы выживем. Это разные вещи.

Вера посмотрела на меня долго, пристально.

— Объясни, — сказала она.

— Победить — значит уничтожить «Армию», захватить их базу, убить Странника. Это невозможно. У нас двадцать один человек, у них — сотни. У нас одна база, у них — целая сеть лагерей.

— Тогда что значит выжить?

— Выжить — значит отбиться сегодня. И завтра. И послезавтра. Выжить — значит заставить их заплатить такую цену, чтобы они не захотели лезть к нам снова. Выжить — значит дождаться момента, когда они устанут, когда у них закончатся люди, когда Странник поймёт, что эта база — не его уровень.

— А если не поймёт?

— Если не поймёт — мы будем драться до конца.

Я помолчал.

— До последнего патрона. До последнего человека. До последнего вдоха.

Вера усмехнулась.

— Ты оптимист, — сказала она.

— Я реалист, — ответил я. — Просто я знаю, что мы можем.

— А что мы можем?

— Мы можем не сдаваться. Это уже много.

Она кивнула.

— Ладно, — сказала она. — Я тебе верю.

— Спасибо.

— Не за что, — она встала, опираясь на здоровую руку.

— Пойду вниз. Тебе тоже надо отдохнуть.

— Я посижу ещё немного.

— Не перетруждайся, — сказала она. — Ты нам нужен живым.

— Я живучий.

Она усмехнулась и ушла.

А я остался на вышке.

Смотрел на лес.

И ждал рассвета.

Глава 4. Голос издалека

Часть 1. Радиоперехват

Утро после первого штурма было серым и тяжёлым, как свинцовая плита, навалившаяся на плечи. Небо затянули низкие облака, из которых сочилась мелкая ледяная морось, смешанная с весенней грязью и гарью от сожжённых тел. Запах смерти стоял такой плотный, что, казалось, его можно было резать ножом. Даже ветер, который обычно разгонял эту вонь, сегодня стих, будто тоже устал после вчерашнего.

Я сидел в штабе на втором этаже, где мы оборудовали что-то вроде командного пункта. Стол, сколоченный из досок, два стула, карта на стене, несколько ящиков с патронами. Окна были заколочены, и единственный свет падал от керосиновой лампы, которую мы нашли в подвале. Она коптила, давала жёлтое, дрожащее пламя, и тени от неё прыгали по стенам, как призраки.

Передо мной на столе лежали трофейные автоматы — десять штук, которые мы собрали после боя. Я разбирал их один за другим: отщёлкивал магазин, вытаскивал затворную раму, чистил ствол от нагара и копоти. Работа была механической, почти медитативной, она помогала отвлечься от мыслей о вчерашнем — о телах, о криках, о том, как пули

входят в живую плоть.

В углу комнаты Дима-механик возился с радиостанцией. Он подключил её к аккумуляторам, которые мы зарядили от солнечных панелей ещё на ферме, и теперь крутил ручки настройки, пытаясь поймать хоть какую-то волну.

Динамик шипел, иногда выдавая обрывки чужих переговоров — неразборчивых, далёких, как будто голоса доносились из другого мира.

— Есть что-нибудь? — спросил я, не поднимая головы. Голос мой прозвучал глухо, даже для самого себя.

— Шипение, — ответил Дима-механик, не оборачиваясь. Его лысеющая макушка блестела в свете лампы. — И иногда голоса. Но очень далеко. Может, на сотню километров отсюда.

— Попробуй другую частоту.

— Пробую.

Он повернул ручку. Шипение сменилось треском, потом снова голосами — на этот раз ближе, отчётливее. Я бросил автомат и замер.

— Докладываю потери тяжёлые двадцать семь убитых, двадцать раненых нужна поддержка — говорил кто-то хриплым голосом с металлическим акцентом, похожим на тот, который бывает у людей, привыкших орать на плацу.

— Принимаю, — отвечал другой голос, спокойный, почти безэмоциональный, с лёгкой хрипотцой, которая придавала ему особую, гипнотическую убедительность.

— Держите позиции. Не лезьте на стены, не тратьте людей. Осада — наше всё. Странник будет к вечеру.

Я поднял голову.

— Странник? — переспросил я, хотя прекрасно расслышал это имя.

Оно уже успело обрасти легендами в наших разговорах, и каждый раз, когда я его слышал, внутри поднималась волна холодной ярости.

— Да, — Дима-механик повернулся ко мне. Его лицо было напряжённым, лоб наморщен. — Я слышал это имя и вчера, когда пытался настроиться на волну. И позавчера, когда они только подходили к нам. Тот самый человек? Тот, о котором ты говорил? Которого ты знаешь из прошлой жизни?

— Тот самый, — ответил я, сжимая рукоятку автомата так, что побелели костяшки пальцев.

Камень внутри меня пульсировал — не так, как при приближении зомби, а ровно, тяжело, словно второе сердце, которое знало, что враг не просто близко — он уже здесь, в эфире, в голосах его солдат.

— Он говорил про осаду, — заметил Дима-механик. — Значит, они не будут штурмовать каждый день. Будут ждать, пока у нас кончатся ресурсы.

— У нас их много, — ответил я. — Еда на месяц, патронов — на два. Воды — хватит. Мы не умрём с голоду раньше, чем они решатся на второй штурм.

— А они решатся?

— Странник — терпеливый. Он будет ждать, пока мы начнём ошибаться. Пока кто-то из нас сломается. Пока внутри возникнет раскол.

Дима-механик вздохнул.

— И что тогда?

— Тогда мы покажем, что не ломаемся.

Я подошёл к радиостанции, встал за спиной механика.

— Можешь записать их переговоры?

— Попробую. — Он нажал какую-то кнопку на старом магнитофоне, примотанном к стойке изолентой. — Это не цифра, качество будет так себе, но разобрать можно.

— Записывай всё, что сможешь. И следи за частотой. Если услышишь что-то про их планы — сразу мне.

— Понял.

Я положил руку ему на плечо.

— Ты молодец, Дима. Спасибо.

— Не за что, — ответил он, и в его голосе прозвучала усталая, но твёрдая гордость. — Я делаю то, что умею.

Я вернулся к столу, сел, взял следующий автомат. В комнате снова стало тихо, только шипение радиостанции да лязг металла о металл нарушали тишину. Но в голове у меня всё ещё звучал голос Странника. Спокойный, почти ласковый, как у человека, который уверен, что прав. Такие голоса я слышал в прошлой жизни — от проповедников, от командиров, от тех, кто вёл людей на смерть и называл это высшей целью. Я знал, чем это кончается. И я знал, что должен оста-

новить его.

Часть 2. Голос Странника

К обеду небо окончательно затянуло тучами, и начал накрапывать мелкий дождь — холодный, весенний, с ветром, который задувал за шиворот.

Мы сидели в столовой, ели жидкую кашу с тушёнкой, и почти не разговаривали. Усталость после вчерашнего боя ещё не прошла, мышцы ныли, глаза слипались. Даже дети вели себя тихо — Настя и Павел ковыряли ложками в мисках, Соня спала на руках у Нади.

И вдруг — треск.

Он раздался снаружи, со стороны леса. Громкий, электрический, такой противный, что у меня заныли зубы. Динамик. Громкоговоритель. «Армия» установила его на дереве, метрах в двухстах от ворот, и теперь включала на полную мощность.

— Что это? — спросил Лёша, отодвигая миску.

— Слушай, — ответил я, отставляя свою кружку.

Из динамика донёсся голос. Спокойный, низкий, почти бархатный, с лёгкой хрипотцой. Голос человека, который привык говорить с толпой и знал, что его слушают.

— Внимание, защитники базы. Говорит Странник.

Я поднял голову. Олег замер с ложкой у рта. Вера опустила нож, который чистила. Катя и Марина переглянулись. Да-

же Николай, который обычно сохранял невозмутимость, нахмурился и отложил чётки.

— Вам нечего бояться, — продолжал голос. — Я не зверь. Я не убиваю без нужды. Я предлагаю вам мир.

— Мир? — усмехнулся Олег, но негромко, чтобы не заглушить голос. — После того, как мы положили полсотни человек, они говорят о мире?

— Тише, — сказал я. — Дай послушать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.